

Александр Валентинович Амфитеатров

Из старых дел

Александр Валентинович Амфитеатров

Из старых дел

Аннотация

«В Москве, скитаясь ради одного сенсационного процесса по зданию судебных установлений и постигнутый неудачей, так как процесс разбирать решено было при закрытых дверях, я заглянул на два, на три дела; из них одно заинтересовало меня не сутью своею: кража – и весьма сомнительная! – во время пожара, со скучнейшими мелочными подробностями, – а бытовую своей стороной, типами обвиняемых, свидетелей и свидетельниц, типами, каких при дневном свете никогда и нигде не увидишь. Это – ночные совы, летучие мыши, публика глухой городской ночи...

Содержание

Александр Амфитеатров

Из старых дел

В Москве, скитаясь ради одного сенсационного процесса по зданию судебных установлений и постигнутый неудачей, так как процесс разбирать решено было при закрытых дверях, я заглянул на два, на три дела; из них одно заинтересовало меня не сутью своею: кража – и весьма сомнительная! – во время пожара, со скучнейшими мелочными подробностями, – а бытовую своей стороной, типами обвиняемых, свидетелей и свидетельниц, типами, каких при дневном свете никогда и нигде не увидишь. Это – ночные совы, летучие мыши, публика глухой городской ночи. Им как-то неловко и стыдно днем, когда в глаза им глядит яркое светлое солнце и спрашивает их своим ласковым лучом: «Кто вы такие? Зачем вы так безобразны? Отчего я никогда не вижу ни вас, ни дел ваших?..» И они прячутся от солнца, кутаясь в свои мягкие, выцветшие шали. Серые линиялые лица, узкие ленточки жирной кожи вместо лбов, страшно развитые челюсти, носы – и плоские, и длинные, и широкие вместе, – все признаки дегенерации, так что, хоть я и далеко не ломброзист, однако, невольно вспомнил о типах в «L'uomo delinquente»¹.

Это были подонки московского порока и низости: проститутки низшего разряда, их хозяйки, экономки, их геркуле-

¹ «Человек преступный» (*ит.*).

сы-охранители, вольнопрактикующий сыщик и т. д. И в этой среде – два-три свертевшихся без толку рабочих парня, запутанных в мерзкую клоаку наивной погони за весельем.

Типы настолько ужасные – жалкие и уродливые – что первое чувство, какое вызывает зрелище их порока: да неужели же порок даже в такой безобразной, грязной, зловонной форме может тянуть к себе человеческую натуру, возбуждать в ней страсти, толкать ее на преступления? Когда бес является обольстителем, увлечение им понятно. Кто Богу не грешен! И праведник по семи раз на день падает. Но когда бес приходит к человеку во всеоружии всего, чем только может он отвратить от себя человеческую брезгливость, – как тогда объяснить его обаяние?

Судилась портниха (работавшая на дом терпимости) по обвинению в краже во время пожара у своей хозяйки и ее любовник портной. Их допрос и допрос свидетелей был целым рядом бытовых сценок, яркими вспышками освещавших темные и мутные нравы московских трущоб.

– Свидетельница, – спрашивает экономку председатель, – на каком счету была у вас обвиняемая?

– Ничего, только пила очень...

– Да ведь, я думаю, у вас все пьют?

– Девушки, известно, все пьют, им так и полагается, а она человек рабочий.

– А рабочему человеку, значит, пить не полагается?

– Известно, нет. Какой уж он рабочий, ежели пьет? Пей,

пожалуй, только по малости.

Этот рабочий человек сидел по четырнадцать часов в сутки над шитьем, не разгибая спины, в вертепе, где население мертвецки пьяно и гости мертвецки пьяны. Слева пьяный хохот, справа пьяная песня, наверху пьяная пляска, внизу пьяные поцелуи. И среди этого винного разгула сидит и работает единственное трезвое существо и недоумевает: в аду я или на земле? за что мне это? и как же жить-то, когда кроме хмеля кругом ничего не видишь и не слышишь? Если так нельзя, зачем же все так делается и зачем же такое терпеть надо? Если так надо, то почему же мне иная трудовая доля, чем другим? Этак сидя, недолго досидеться и до того, что – либо в прорубь полезешь, либо, живя с юлками, сама по-волчьи завоешь. И в один прекрасный день завывает. Пьяным-пьяна, – туман в голове и пред глазами, горе завито веревочкой, работа к черту: чем, мол, я и лучше и хуже других? Пей, пока пьется, – душа меру знает. Любимым местопребыванием бедняги, вместо поганой развратной тюрьмы, становится такой же поганый и развратный, но, по крайней мере, свободный трактир, где она не раба, а гостя и хозяйка. Чего хочет, того и просит. И на каналью полового за свои деньги может заорать не тише, чем орет на нее «тетенька» за лень либо неисправность.

– Лентяйка? неряха я? Назло же тебе, аспидке, завтра работать не стану... Давай водки, ребята! угощаю!

Ребята – «золотая рота» – пьют и похваляют и угоще-

нье, и угостительницу. Полиция гонит из трактира, – пьянство продолжается на улице, с тумбою вместо стола, пока компания не расходится... нет, расплзается либо по домам, либо в участок.

Так «свертываются» люди!..

Великолепен был свидетель – дворник и сыщик, преисполненный профессионального торжества: как он заподозрил обвиняемую и ее любовника, как следил и выследил, как ловил и поймал. Яд, а не водку в чарке подносил и, целясь, обманывал. И в то же время – непочатый угол благочестия.

– Напоил, – говорит, – я девицу, как стельку, и, как скоро она захмелела, стал ее склонять на знакомство, на содержание, стало быть, звал. И через то все от нее доподлинно узнал. Она же, захмелев, принялась звать меня сейчас же к себе, но – как дело было под большой праздник – я пойти не мог...

Помните анекдот о неаполитанском bravo?² Подходит он к англичанину и говорит ему:

– Милорд! меня наняли, чтобы вас немедленно зарезать. Но так как сегодня суббота, а под воскресенье я дал обет никого не убивать, то – умоляю вас! – не вводите меня в грех, зарежьтесь сами!

Разве это – не та же самая логика?.. Удивительная наивная способность – как указал Щедрин – «одною рукою неистов-

² Наемный убийца, головорез (*ит.*).

ствовать, а другую крестное знамение на перси возлагать».

Разврат и водка коверкают людей скоро. Но в скоро исковерканных лицах остаются еще следы недавно оживлявшей их Божьей искры: нет-нет – да словно хоть по скверному месту, а все-таки солнечный луч скользнет. Тут – ничего. Сало, тупость, идиотский взгляд, идиотская речь. Жирная, обрюзгшая, болезненно-желтая баба стоит перед судом и тупо бормочет какие-то безобразно-наивные слова:

– Пожар... Разорили, погубили... Неделю не работали... *Товар без толку пропал... Семью распускать пришлось...*

– Какое странное *разложение семьи!* – не утерпел, чтобы не сострить потом, в резюме, председатель Е. Р. Ринк.

И все в этой ужасной машине гнилья и разврата заведено прочно, в строгой традиционной последовательности и рутине: весь ее беспощадный, неутомимый ход кажется чем-то совершенно логическим и необходимым и для тех, кто ест, и для тех, кого едят. Овцы вполне солидарны с волками, которые ими сыты. Он соболезнуют о потерях и безработице «тетеньки», и в самом деле от души, а не притворно соболезнуют. И от души загинают проклятия и крепкие пожелания ее предполагаемым врагам и супостатам, выбившим жизнь вертепа из его обычной колеи. Очевидно, довольны собою, своим кормом, пьянством, платьем и спальнею, и вне этих гранок ничего не видят, не слышат, да ничего и видеть, и слышать-то не хотят.

Нет, такие формы отупения скоро не приобретаются. Тут

либо с детства надо в грязь по уши окунуться и носом, и ртом ее каждый миг жизни своей обонять и глотать, пока привычка не станет второю натурой; или быть рожденным для грязи, быть, подобно слепорожденному физически, слепорожденным нравственно и, подобно слепорожденному же, отвечать, может быть, не столько за свои пороки, сколько за грехи отцов своих.

Я плохо верю в порочную наследственность, не покоряющуюся воспитательному давлению, зато как нельзя более верю в то, что при отсутствии такого давления в человеке и без порочной наследственности «наследственность» проявится.

Мне была доставлена одним из московских психиатров весьма любопытная рукопись, полученная им когда-то от анонима, однако им впоследствии разгаданного и при личном объяснении, по первому же намеку психиатра, подтвержденного. Это – вопль отчаяния нравственно извращенного человека, который дошел до того, что сам себя испугался; нечто вроде известных признаний, какие получил некогда от анонима же знаменитый Каспер. Человек распустился до того, что буквально повторял, повторяет и не уверен в себе, что не будет повторять в миниатюре все выходки распутного цезаризма, жил маленьким Гелиогабалом, и, на беду еще, он достаточно богат, чтобы исполнить любую из своих фантазий, даром что перед некоторыми из них его – судя по запискам, человека и умного, и высокообразованного – самого берет оторопь. Чувствует, что гибнет, а остановиться гибнуть

не может. Это ужасно, но с этим ужасом он уже примирился и, погибая, просит врача лишь объяснить ему, откуда же собственно его погибель, откуда в нем эти дикие наклонности с этой утонченностью в изобретении средств к их осуществлению? «Дела мои возмутительны, – свидетельствует он в записках своих, – но, клянусь вам, доктор, мысли мои много хуже их, и, убегая от мыслей-то своих, я и иду к вам за их загадкой». Психиатр исследовал наследственность несчастного за целые сто лет: нравственная, чистая семья, удивлявшая своим целомудрием, трезвостью, порядочностью и гуманностью даже во времена крепостнического мрака, так покровительствовавшего всякой физической и нравственной распущенности. Нет, – природа иной раз шутики шутит и на здоровом теле ни с того ни с сего скверные прыщи выращивает! И напрасно тут искать какую-нибудь «наследственность»...

Это – в обстановке обеспеченности и комфорта. А как пополняется среда, обнаженная пред нами вышеописанным делом? На днях разбиралась хорошая иллюстрация к этому вопросу. Супруги-бедняки обвинялись в истязании дочери... девятнадцатилетней девушки! Возраст, когда можно терпеть колотушки, но на серьезные побои истязатель и сам легко может сдачи получить. Суд оправдал обвиняемых, но, правду сказать, – кто в деле был прав, кто виноват, – осталось нерешенным.

– Истязали?

– Истязали, так точно, что истязали, но с добрым намере-

нием: хотели отучить ее, шельму, таскаться по бульварам.

– Вы таскались по бульварам?

– Так точно. Но что же мне оставалось делать? Ночевать-то где-нибудь надо же. Когда тепло бывало, я так бывало и бродила по целым ночам; на скамейках сидючи спала. А зимою, известно, одна надежда – на кавалеров.

– А зачем же вы уходили из дома?

– Сперва затем, что дома жрать нечего было. А потом: как ни вернешься, – бьют. Ты развратная! Ты тварь! Не кормят, – а ругают. Сидишь дома, – бьют. Уйдешь, – бьют. Дом-то постылее ада стал! Лучше – куда хочешь, только бы не домой...

Вот и извольте распутываться в этом *circulus vitiosus*'e³, где розы добродетели так прочно переплетены нуждою с терниями порока, что пред загадкою, где кончаются первые и начинаются вторые, должен пасовать сам премудрый Соломон. Порок отвратителен, но его голодный желудок и исполосованные плетью, испятнанные синяками плечи возбуждают невольное сострадание. Добродетель похвальна, но ее местожительство на конце ремня или в сжатом кулаке осви-репешего, хотя и честного человека вызывает испуг, а не симпатию. И, в конце концов: «Ни туды, Микита, ни сюды, Микита», – как говорит старая хохлацкая пословица.

1896

³ Безвыходное положение, заколдованный круг (*лат.*)